

ДМИТРИЙ ТРОШИН

Историк, музейный хранитель

Родился в городе Пушкине (Царском Селе) в 1986 году. В 2009 году окончил кафедру новейшей истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Параллельно работал младшим научным сотрудником в документальном фонде (архиве) Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, где разбирал часть фондов Трофейной комиссии. В настоящее время аспирант исторического факультета СПбГУ, занимает должность главного хранителя фондов Историко-литературного музея г. Пушкина. Автор ряда статей по истории Царского Села периода Первой мировой войны и революции 1917 года.

ГОСУДАРЕВА РАТНАЯ ПАЛАТА — МУЗЕЙ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Предыстория создания музея Великой войны такова. На выставке, приуроченной к 200-летию юбилею Царского Села (проходила с августа по сентябрь 1911 года), вдова известного московского собирателя и мецената С. М. Третьякова, Елена Андреевна Третьякова, преподнесла Императору Николаю II ценное собрание картин, акварелей, гравюр, литографий, икон, лубков, карт, исторических документов и литературных памятников, иллюстрирующих военную историю России с древнейших времен. Большую часть собрания, насчитывавшего около 1300 единиц, составляли гравюры и литографии известных европейских и русских мастеров XVIII–XIX вв. Кроме этого, в обширном собрании Е. А. Третьяковой были различные бытовые предметы и жалованное именное оружие.

Всё вышеперечисленное первоначально оставалось в собственных Императорских библиотеках и в помещениях Царскосельского Дворцового управления. Но летом 1912 года собрание Третьяковой, названное Императором Николаем II «Войны России», послужило основанием для создания нового музея. Особое Собрание, созванное по инициативе Императора, приняло решение создать «Музей истории русских войн» и построить для него специальное здание, которое назвали «Палата-хранилище собрания „Войны России“». Средства на строительство и содержание здания в размере 300 тысяч рублей процентными бумагами пожертвовала сама Е. А. Третьякова. Она же на собственные средства продолжила сбор для будущего музея «предметов древностей и редкостей», которые затем выставлялись в залах Александровского дворца.

В сентябре 1912 года был Высочайше учреждён Строительный совет для постройки палаты, который состоял из председателя — управляющего кабинетом Его Величества генерал-майора Е. Н. Волкова, его заместителя — заведующего канцелярией Императрицы Александры Феодоровны и её личного секретаря графа Я. Н. Ростовцева, а так же начальника Царско-сельского Дворцового управления князя М. С. Путятина, его помощника

полковника С. Н. Вильчковского, архитектора Высочайшего двора А. И. фон Гогена, директора Института гражданских инженеров, архитектора В. А. Косякова, инженера путей сообщения К. Л. Пентковского, архитекторов-художников В. Н. Максимова и Е. С. Павлова, губернского секретаря С. К. Заботкина, делопроизводителя Н. П. Курбатова и чиновника Н. В. Астафьева. Строителем и автором проекта был выбран гражданский инженер С. Ю. Сидорчук. На подготовку и утверждение проекта здания понадобилось около двух лет.

Государева Ратная палата.
Автор проекта — гражданский инженер С. Ю. Сидорчук.
Фото 1930-х годов

Выбор места для будущей постройки на северной окраине царскосельского Александровского парка, в пейзажном районе Фермского луга, и её неорусский стиль, одобренный лично Императором, были обусловлены следующими причинами: во-первых, фактом исторической принадлежности местности, в которой располагалось Царское Село, Водской пятине Новгородской земли и, во-вторых, тем, что здание палаты должно было гармонировать с расположенными неподалеку Государевыми Феодоровским собором и городком, имеющими некоторые черты псково-новгородского каменного зодчества.

Параллельно велась разработка тематико-экспозиционного плана будущего музея, который также предполагалось использовать для просвещения войск Царскосельского гарнизона. Согласно желанию самой Е. А. Третьяковой, «изображения войн должны быть распределены по нациям, которыми велись эти войны», т. о. были выделены разделы, посвящённые татарским, турецким, польским, шведским войнам, Семилетней войне (1756–1763 гг.), Наполеоновским войнам (1800–1815 гг.), Крымской кампании (1853–1856 гг.).

3 мая 1913 года в присутствии Императора Николая II, Великих Княжен Ольги Николаевны и Анастасии Николаевны состоялась торжественная закладка палаты-хранилища. Здесь же о. Афанасием Беляевым в сослужении со священниками Феодоровского собора о. Николаем Андреевым и церкви Дворцового госпиталя о. Иаковом Червяковским был совершён торжественный молебен, а затем крестный ход.

Но начавшаяся летом 1914 года мировая война изменила концепцию будущего музея военной истории, застав процесс строительства

Император Николай II
в мундире Лейб-гвардии 4-го Стрелкового
Императорской Фамилии полка.
Иллюстрация из каталога выставки «Война
и наши трофеи». 1915 г.

выраженное ею пожелание, чтобы сооружаемый музей навсегда почитался бы личною собственностью Вашего Императорского Величества, вследствие чего Е. А. Третьякова поручила мне исходатайствовать Милостивое соизволение Вашего Императорского Величества наименовать этот военный музей таким образом, чтобы при деловых его сношениях с разными учреждениями и лицами, совершенно ясно обозначалось, что этот музей есть Государева собственность. Во исполнении сего и принимая во внимание, что архитектура здания музея, по древним палатным образцам, задумана в соответствии с наружным обликом Государева Феодоровского Собора, и что было бы весьма желательно и в самом названии соблюсти признаки древнего речения — испрашивается Высочайшего Вашего Императорского Величества соизволения на присвоение сему музею наименования: „ГОСУДАРЕВА Ратная Палата“» (РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 8821. Л. 5). На документе собственной рукой Императора Николая II было написано синим карандашом: «Согласен».

Понятно, что такое обращение к Императору было сделано не без особой инициативы Е. А. Третьяковой, которая становится душой будущего музея и всеми возможными средствами и силами старается возвысить его статус. Елена Андреевна, урождённая Матвеева (1846 —?), после смерти мужа, согласно его завещанию, передала коллекции его брату — П. М. Тре-

здания палаты «в стадии выведенных стен и остропиленной». В сентябре того же года Е. А. Третьякова, вернувшаяся с театра военных действий из Галиции, отмечала в письме, адресованном Императору, что необходимо собирать для палаты-хранилища редкие трофеи и оружие идущей войны. Для пристройки специальной галереи хранения трофеев она пожертвовала ещё 65 000 рублей наличными деньгами.

17 ноября 1914 года начальник Царскосельского Дворцового управления князь М. С. Путятин, фактически руководивший постройкой здания палаты-хранилища, обратился к Императору Николаю II с докладом, в котором говорилось: «Елена Андреевна Третьякова, глубоко обрадованная тем, что Вашему Императорскому Величеству благоугодно было направить некоторые трофеи нынешней войны для хранения в музей, повторила неоднократно

тьякову. Но сама активно продолжила собственную собирательскую деятельность. О ней известно немного, несколько малозначительных воспоминаний. В 1875 году художник А. А. Харламов по заказу С. М. Третьякова написал её портрет (в настоящее время хранится в Государственной Третьяковской галерее). В 1916 году она проживала в Петрограде на Английской набережной, в доме № 42. Дата её смерти не установлена, могила неизвестна. Деятельность коллекционера и мецената Е. А. Третьяковой для современных искусствоведов также остаётся неизвестной страницей. Пока трудно предположить, почему так произошло: попала ли она в тень своего известного мужа и ещё более известного его брата, или же забыта, как предано было забвению всё, связанное с Великой войной...

Но после придания будущему музею такого высокого статуса в Государеву Ратную палату начинают приходиться посылки с фронтов, содержащие образцы вооружения, снаряжения и обмундирования, взятые у противников. Сохранение памяти о своём славном военном прошлом не было новым направлением деятельности в России. Так, сбором и описанием трофеев Русской армии ещё до начала войны занималась Высочайше утверждённая при Военно-походной Его Императорского Величества канцелярии в 1911 году по инициативе капитан-лейтенанта П. И. Белавенца «Комиссия по описанию боевых трофеев русского воинства и старых русских знамён». До начала войны Трофейной комиссией была проделана большая работа: зарегистрировано около сорока тысяч подвигов, совершённых русскими солдатами в предыдущих войнах, создана коллекция рисунков, насчитывающая свыше двух тысяч изображений русских и иностранных знамён, а также составлено пятьдесят девять тысяч карточек архива. Но с началом боевых действий задачи Трофейной комиссии изменились. Командирам всех полков и батальонов была направлена типовая «Программа работ» (1915), в которой предписывалось выявлять и доставлять в помещение комиссии (в Петроград на Захарьевскую улицу, дом № 17) информацию о захваченных трофеях (с фотографиями); описания подвигов части и её чинов, связанные с взятием трофеев с приложением графических набросков этих подвигов; сведения о героях — Георгиевских кавалерах как офицерах, имеющих орден Св. Георгия или Георгиевское оружие, так и нижних чинах, награждённых всеми четырьмя степенями Георгиевского креста или же совершивших особо выдающиеся подвиги. Комиссия осуществляла издание и рассылку брошюр «Герои и трофеи Великой народной войны», а на основе собранного обширного материала также издавала Георгиевские таблицы-памятки, которые рассылались по всей стране.

В целях ознакомления широких слоёв населения Петрограда с условиями идущей мировой войны и подвигами воинов Российской армии и флота, с 24 июня по 8 сентября 1915 года Императорским обществом ревнителей истории в манеже главного Адмиралтейства была устроена выставка «Война и наши трофеи», которая имела девять отделов. В одном из отделов — шестом — были выставлены предметы из собрания Е. А. Третьяковой.

Среди художественных произведений особо выделялись шесть рисунков художника Е. Е. Лансере, иллюстрирующих эпизоды идущей войны на Кавказском фронте. Два из них изображали г. Сарыкамыш, под которым в декабре 1914 года были разгромлены IX и X турецкие корпуса, а их командиры и штабы (свыше 100 офицеров) взяты в плен. Акварели художника И. А. Владимирова изображали героическую контратаку Русской армии под Августовом в сентябре 1915 года, результатом которой стало паническое бегство германцев.

Акварели с натуры художников М. В. Добужинского и эскизы художника Н. И. Кравченко дополняли картины войны из собрания Е. А. Третьяковой. Но особенно привлекала внимание картина, написанная масляными красками художником С. Масловским «Под Ченстоховом». На заднем плане картины были изображены стены и купола Ченстоховского Святогорского монастыря, в котором хранилась чтимая как католиками, так и православными икона Божией матери, написанная, по преданию, самим евангелистом Лукой, и к которой ежегодно приезжало до 400 000 тысяч паломников. А на переднем плане была изображена фигура немецкого солдата-католика, на коленях умоляющего простить его за святотатство — направленную против монастыря пушку. По некоторым сведениям, хранимая в монастыре икона была своевременно эвакуирована русскими войсками.

Из собранных на полях сражений трофеев были и австрийский вещевой ранец с поясным ремнём и двумя патронными сумками, германские и австрийские сухарные санитарные мешки и вещевая кавалерийская перемётная сума, фельдшерская сумка, венгерский поясной походный ремень, германская фляга, австрийские котелки — бытовые военные вещи. Однако самым интересным экспонатом стал подбитый нашими войсками дирижабль «Цепелин».

В отдельной витрине экспонировалась «коллекция Собственных Его Императорского Величества предметов», в которой были представлены образцы трофейного оружия германской и австрийской армий. В дальнейшем она была передана на хранение в строящийся в Царском Селе музей военной истории.

В Государевой Ратной палате, помимо создания экспозиции доставляемых с фронта трофеев, было решено поместить портретную галерею Георгиевских кавалеров Великой войны. Идея не новая, галерея героев Отечественной войны 1812 года существовала в Эрмитаже, но на стенах царскосельского музея решено было разместить портреты не генералов и офицеров, а унтер-офицеров и рядовых. Согласно новому статуту военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия (учреждён Императрицей Екатериной II 26 ноября 1769 г.), утверждённому в 1913 году Императором Николаем II, «Знак отличия военного ордена» для нижних чинов стал именоваться Георгиевским крестом, а его обладатели получили статус Георгиевского кавалера. Всех Георгиевских кавалеров должны были

вносить в общий Вечный список. В ходе Великой войны в этот список заносили только офицеров, удостоенных ордена Св. Георгия, а нижних чинов, награждённых Георгиевскими крестами и медалями, по причине многочисленности награждений, предполагалось занести туда после окончания боевых действий.

Вероятно, поэтому 30 сентября 1915 года начальник Царскосельского Дворцового управления князь М. С. Путятин обратился к Императору Николаю II с запиской, в которой обосновывалась необходимость создания георгиевской галереи: «Не касаясь пока вопроса о составлении портретных галерей участников войны, принадлежащих к высшему командному составу армий и флотов, что, вероятно, явится предметом забот офицерских собраний, — настоящая записка имеет целью выяснение возможности составить собрание портретов особо отличившихся нижних чинов — Георгиевских кавалеров высших степеней и эти портреты могли бы составить особую галерею в предназначенной для хранения трофеев войны 1914–1915 гг. части здания Государевой Ратной палаты. Увековечивание имён и подвигов наших героев, таким образом, могло бы иметь большое воспитательное значение, как для воинских команд, так и для подрастающей молодежи, а также служило бы нравственным удовлетворением и утешением семьям и населению тех деревень, которые были Родиной воинов, положивших свои головы за Веру, Царя и Отечество».

Для создания портретов Георгиевских кавалеров был образован специальный штат художников (И. Б. Стреблов, В. А. Поярков, С. Е. Девяткин, М. Г. Кирсанов), которые должны были писать героев либо с натуры, либо по фотографии. Командование воинских частей направляло в Строительный совет по специально установленной форме «Сведения о награждённом Георгиевским крестом чине, удостоенном помещения портрета в галерею Государевой Ратной палаты», как о живом, так и о павшем на поле брани. А также его фотографию (либо негатив) с указанием основных примет: цвета лица, глаз, волос, бровей, ресниц, усов и бороды. Одной из возможностей личного позирования была госпитализация раненого кавалера в лазареты Петрограда или Царского Села.

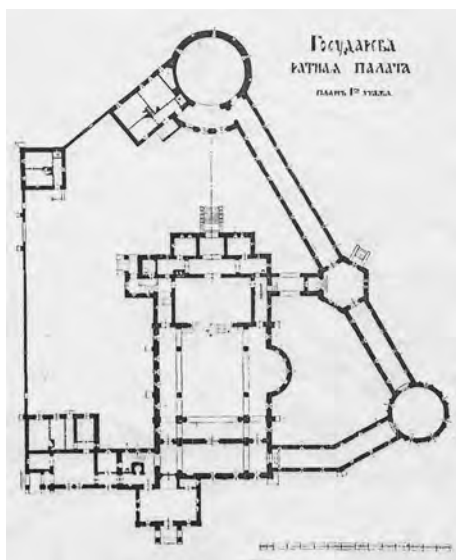
Портреты Георгиевских кавалеров, как правило, имеющих георгиевский бант (три-четыре Георгиевских креста и полный комплект Георгиевских медалей, а иногда и награждённых Георгиевским оружием) исполнялись в размере 40 на 30 сантиметров в течение двух-трёх дней масляными красками и стоили всего по тридцать рублей за экземпляр. Художники, «движимые патриотическим желанием принести свой труд во славу Русского оружия», назначали за свою работу, вместо обычной платы, лишь одну пятую её часть.

Однако количество портретов было ограничено. Так, например, пехотный полк мог поместить по одному портрету от каждого батальона или команды (пулемётной, связи, конных или пеших разведчиков), кавалерий-

ский полк — от каждого эскадрона или сотни, в артиллерии — от каждой батареи. Подлинники этих портретов должны были составить личную собственность Императора Николая II, как вклад в его музей военной истории, а «поднесение в собственность Государя Императора портретных изображений Героев настоящей войны создаст в Государевой Ратной палате художественно-исторический памятник доблести русского воина». Всего по подсчётам М. С. Путятин в Ратной палате должно быть размещено до тысячи портретов Георгиевских кавалеров. Сами же воинские части, для иллюстрации страниц полковых историй, украшения помещений и создания открытых писем, могли иметь цветные или однотонные воспроизведения портретов своих героев.

В январе 1916 года по указанию Императора Николая II в Петрограде состоялось совещание для выработки соображений о сборе, регистрации и хранении трофеев текущей войны. Оно предложило сосредоточить всё дело по переписи и сбору трофеев в руках одного ответственного лица или особой комиссии. На склады всех воинских частей были командированы специально подготовленные офицеры и члены Императорских Русского военно-исторического общества и Общества ревнителей истории. Они выявляли ценные военные трофеи и составляли их описи для будущего музея. Далее эти предметы должны были поступить в Артиллерийский исторический музей в Петрограде и Оружейную палату в Москве. 22 марта 1916 года Император Николай II возложил руководство по сбору, регистрации и хранению трофеев на генерал-адъютанта Д. А. Скалона, а «все забранные у неприятеля в настоящую войну знамёна, штандарты и особо ценные предметы хранить в Государевой Ратной палате в Царском Селе». 22 июня 1916 года был утверждён штат новой «Комиссии для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны и увековечивания её в памяти потомства».

По-видимому, на решение Императора придать Ратной палате особое значение повлияло ещё и первое со времени закладки посещение постройки, которое состоялось 28 февраля 1916 года. Пройдя в сопровождении князя М. С. Путятин по залам и галереям, Государь внимательно расспросил строителя палаты С. Ю. Сидорчука и его помощника студента В. И. Ходова о продвижении работ. В галерее Георгиевских кавалеров Государь осмотрел написанные тридцать два портрета героев. Всем увиденным «остался в полной мере доволен» и рас-

План здания Государевой Ратной палаты

порядился известить о своём посещении Е. А. Третьякову, которая из-за болезни уже около года не приезжала в Царское Село.

К концу 1916 года Ратная палата была практически готова для открытия в ней Императорского музея Великой войны. Здание представляло собой неправильный, несколько продолговатый пятиугольник. Главный корпус состоял из большого двухъярусного зрительного зала на 400 мест. Для чтения лекций в конце зала была установлена возвышенная эстрада, которая отделялась аркой и была снабжена экранами и специальными устройствами для световых и кинематографических картин. Специально для Императорской Семьи была сделана «царская гостиная», где предполагалось поместить портреты Августейших Особ. Имелось два вестибюля: один парадный, а другой специально приспособленный для ввода и вывода воинских команд. Между парадным вестибюлем и зрительным залом была расположена распределительная комната, имевшая дверь в так называемые «третьяковские» галереи. Первая из них, по-видимому, по цвету стен, называлась «зелёной» и служила для хранения исторических документов. Она заканчивалась «образной палатой», в которой располагались в киотах иконы. Затем начиналась «розовая» галерея, завершающаяся шестигранной башней, служившей для хранения музейных коллекций. Далее шла портретная галерея Георгиевских кавалеров, которая заканчивалась большой башней (ротондой), предназначенной для размещения крупных предметов военного снаряжения и артиллерии. Из ротонды имелся проход в жилое помещение хранителя музея. В трёхэтажной башне располагалась парадная лестница и библиотека (Архитектурно-художественный еженедельник. Пг., 1916. № 7. С. 98–99).

Внутреннее убранство предполагало мебель, стилизованную под старину и полихромные настенные росписи (в технике масло по штукатурке). Живописные работы выполнил художник Н. П. Пашков, предположительно по эскизам И. Я. Билибина. Сын ктитора Феодоровского собора Д. Н. Ломана Юрий вспоминал: «Бывает и так, что во дворе Ратной палаты я вижу художника Билибина. По его эскизам расписывается Георгиевская башня и галерея, окружающая палату. Неподалеку от галереи стоит сбитый немецкий самолёт „Альбатрос“. На его крыле нарисованы непривычные острые чёрные кресты, непривычные и потому немного жуткие. Это первый и, кажется, последний экспонат, доставленный в Государеву Ратную палату» (Ломан Ю. Д. Воспоминания крестника Императрицы. СПб., 1994. С. 48).

Росписи стен и сводов представляли собой стилизованные изображения на древнерусские мотивы, изображения гербов российских губерний и георгиевских крестов с лентами.

В здании было устроено прогрессивное для того времени центральное водяное отопление, осуществляемое с помощью специальных насосов, приводимых в движение электромоторами, установлена приточная вентиляция, подающая нагретый и увлажнённый воздух.

Ряды захваченных германских и австрийских орудий

После февральской революции новым смотрителем так и не созданного Государева музея Великой войны в Ратной палате и её «единственным и фактическим хозяином» стал старший военно-строительный техник студент К. Н. Надежин, являвшийся до этого помощником, уволившегося в апреле 1917 года архитектора С. Ю. Сидорчука. В целях предотвращения посягательств обывателей на музейное имущество, он объявил

его народной собственностью. Одновременно К. Н. Надежин был избран товарищем председателя Царскосельского Совета рабочих депутатов, поэтому санкционировал проведение в здании революционных митингов, собраний и кинематографических сеансов. Несмотря на финансовые трудности, художественная роспись помещений и текущие ремонтные работы в Ратной палате были продолжены по распоряжению барона Б. Л. Штейнгеля, комиссара Временного правительства над бывшим Царскосельским Дворцовым управлением.

В середине августа 1917 года Ратная палата была подчинена объединённой «Комиссии для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны и увековечивания её в памяти народа», состоящей при Военном министерстве. С августа по декабрь того же года помещения и двор Ратной палаты были загромождены трофеями, которые прибывали целыми составами из тыловых складов практически исчезнувшего к этому времени фронта. Свыше шестидесяти ящиков с военными трофеями, артиллерийские орудия и несколько художественных картин были распакованы и описаны работавшими здесь членами трофейной комиссии

После октябрьской революции Царское Село стало местом боёв между правительственными войсками генерала П. Н. Краснова и отрядами солдат, матросов и красногвардейцев. Вошедшие в город плохо вооружённые красногвардейцы реквизируют часть оружия и боеприпасов из Ратной палаты.

В феврале 1918 года, в связи с немецким наступлением, часть имущества Ратной палаты была подготовлена к эвакуации, а затем вывезена в Петроград. В июне приказом народного комиссара по военным делам Л. Д. Троцкого Трофейная комиссия и Ратная палата были переданы в ведение военно-исторического отдела Оперативного управления Всероссийского Главного штаба. В декабре Революционный военный совет республики на основе прежней трофейной комиссии учредил «Комиссию по организации и устройству Народного военно-исторического музея войны 1914–1918 гг.».

Её главной задачей стала организация грандиозного «Всероссийского народного Военно-исторического музея войны 1914–1918 гг.» Все отделы этой комиссии обладали значительным музейным имуществом, находившимся на тот момент не только на складах в Петрограде и Царском (с ноября 1918 года — Детском) Селе, но и в Киеве, Тамбове, Белой Церкви, Тифлисе, Эрзеруме и др.

Но тут в «Известиях Народного комиссариата по военным делам» появилась статья некоего Александра Буцевича, разъяснявшая империалистический характер войны, уже переросшей в Гражданскую, сделавшей вчерашних героев врагами новой власти и, вероятно, повлиявшая на упразднение комиссии: «Я допускаю с некоторой натяжкой назвать музей „народным“, в том смысле, что в этой империалистической бойне уложили не один миллион народа. Соглашусь и вполне разделяю мысль о необходимости собирания документов и всего, имеющего отношение к этой войне, так как эта гигантская борьба двух капиталистических коалиций в качестве величайших из народных бедствий заслуживает, безусловно, внимания, но и только. Но говорить о „трофеях“, „увековечивании“ имен „героев“ „в истории и памяти“, „подвигов российского (!!!) воинства“ это уже слишком. Ведь речь не идёт о нашей гражданской войне, идущей под лозунгом освобождения трудящихся... Эта война для рабочего класса была братоубийственной и должно скорбеть об её бесчисленных жертвах, но делать из них „героев“ недопустимо... Авантюра с „героями“ и „всероссийским воинством“ должна быть скорее ликвидирована. Подобным явлениям не должно быть места в Советской России» (Буцевич А. Народный военно-исторический музей//Известия Народного комиссариата по военным делам. 1919. 9 мая).

Незамедлительно малый Совет народных комиссаров постановил упразднить «Комиссию по организации и устройству Народного военно-исторического музея войны 1914–1918 гг.», закрыть все отпускаемые ей кредиты, а все материалы и отделения передать в Наркомпрос и закрепить за секцией военно-исторических музеев Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины.

Осенью 1919 года Северо-Западная армия под командованием генерала Н. Н. Юденича подошла к окрестностям Петрограда. В спешном порядке началась эвакуация оставшихся художественных ценностей и военных трофеев из Ратной палаты. Скорее всего, часть предметов вновь превра-

Германский аэроплан системы «Фоккер» в числе русских трофеев

тилась в оружие. Комиссия по учёту, которую возглавил сотрудник секции военно-исторических музеев В. Г. Толль, успела выявить к этому времени в Ратной палате «4 картины масляными красками, 2 этюда и 151 портрет участников войны — Георгиевских кавалеров».

В дальнейшем часть унаследованного новой властью музейного собрания была перевезена в Москву (в Государственный исторический музей), другая оказалась в ведении Военно-историко-бытового музея, существовавшего с 1927 по 1937 годы, затем его экспонаты включили в фонды Артиллерийского исторического музея, Русского музея и Эрмитажа.

Здание Ратной палаты в 1920-е годы было передано Агрономическому институту, разместившемуся неподалеку. В ней устраивались литературные вечера, на которых выступали С. Есенин, В. Маяковский, В. Рождественский, Ф. Соллогуб, О. Форш, В. Шишков и др. Во время войны 1941–1945 годов Ратная палата, расположенная практически на переднем крае обороны, пострадала от артобстрелов. В первой половине 1970-х годов началось восстановление, в ней разместились реставрационные мастерские. В это же время была проведена перепланировка здания, частично искажившая его внутренний облик, настенная фресковая живопись была законсервирована, но в настоящее время разрушается и осыпается.

Постановлением правительства РФ № 527 от 10 июля 2001 года Ратная палата в г. Пушкине получила статус объекта культурного наследия федерального значения. В ноябре 2008 года Комитет по управлению государственным имуществом Петербурга официально передал здание Государевой Ратной палаты в бессрочное оперативное управление Государственного музея-заповедника «Царское Село». И давняя идея создания в этом историческом здании музея Великой войны сегодня вновь оживает. В распоряжение музейного коллектива есть опись имущества Ратной палаты, составленная в 1917 году, часть которого сохранилась в собрании известных музеев города. К примеру, картины В. А. Пояркова «Дворцовый гренадер», «Дворцовый гренадер-знаменщик», «Командир роты Дворцовых гренадер» в настоящее время хранящиеся в собрании Государственного Эрмитажа. В экспозиции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи вывешены живописные портреты пятнадцати Георгиевских кавалеров...

В 2014 году исполнится сто лет со дня начала Первой мировой войны. Европейские страны ежегодно отдают дань памяти своим погибшим солдатам. И если суждено возродиться Государевой Ратной палате в Царском Селе в том прежнем её качестве, как было задумано Императором Николаем II, то это событие восполнит наконец-то утраченную часть нашей истории, поставит на должный уровень память о её героях.